

Глава 35. Поцелуй

Чжу Цзинвэй, снедаемый нетерпением, уже готов был увлечь Цю Хуаняня за собой, но Цзян Эр преградил им путь.

— Прошу, господин Цю, не сочтите за грубость, — учтиво проговорил он. — Я лишь полагаю, что вам было бы удобнее взять с собой кого-нибудь из близких.

Юноша понимающе кивнул. В нынешнем обществе молодому гээр и впрямь не пристало покидать дом в сопровождении мужчин, не связанных с ним узами родства. Семья Чжу строго чтит приличия и не желала давать повода для праздных кривотолков.

Цзян Эр был предельно вежлив, а Цю Хуанянь не отличался упрямством и не собирался спорить ради пустой гордости. Как раз в это время Хуан Данянь и Хуан Энн्यान вернулись в усадьбу, и он попросил их поехать вместе с ним, чтобы осмотреть мастерскую красного ферментированного тофу.

Следуя совету юноши, Чжу Цзинвэй за тридцать пять лянов серебра приобрёл просторную усадьбу в укромном уголке на юге города. Здания были добротными, из кирпича и черепицы; пусть в них не было изысканных украшений или затейливых садов, зато прочность стен и обилие свободного пространства идеально подходили для обустройства кулинарного цеха.

Прежде здесь уже располагалась поварня тофу. Её прежний владелец был вынужден продать дело жизни из-за беспутного сына, который погряз в карточных долгах.

Наследник семьи Чжу не привык скупиться: услышав цену в тридцать пять лянов, он отдал деньги сразу, даже не пытаясь торговаться. Ошалевший от такой удачи хозяин на радостях оставил новому владельцу всю утварь и даже поделился некоторыми хитростями ремесла.

Слуги дома Чжу за ночь до блеска вычистили двор. Когда повозка остановилась у ворот и Цю Хуанянь толкнул створки из кедрового дерева, его взору предстала безупречно прибранная усадьба.

Двор был ориентирован на юг. Напротив входа располагалось главное здание из пяти комнат, перегородки в которых снесли, объединив пространство в один огромный зал. Каменный пол был чисто выметен, а вдоль стен в двенадцать рядов выстроились крепкие деревянные стеллажи.

На одних полках громоздились стопки широких плетёных подносов, на других теснились чисто вымытые пустые кувшины.

— Вот то самое помещение для брожения, о котором ты говорил, — Чжу Цзинвэй с гордостью указал на главный зал. — Здесь будет зреть и вонючий тофу, и красный ферментированный

тофу. Ты упоминал, что в комнате должно быть прохладно, поэтому я уже велел снять мерки и заказать бамбуковые шторы. Как только их привезут, повесим на окна и двери.

Молодому человеку не терпелось похвастаться плодами своих трудов.

В западной части двора находился загон для мулов, большой каменный жернов под навесом и две соединённые комнаты, заставленные инструментами для приготовления тофу.

— Эти вещи остались от прежнего хозяина. Я рассудил, что они ещё послужат, и решил не покупать новые. Купим только мула. Раз для красного ферментированного тофу нужно много сырья, лучше делать его прямо здесь — так и проще, и дешевле.

Это была личная идея Чжу Цзинвэй. Когда слуги нашли несколько подходящих усадеб, он выбрал именно ту, где раньше делали тофу, чтобы мастерская могла сама обеспечивать себя всем необходимым.

— Ты совершенно прав, Цзинвэй, — с улыбкой подтвердил Хуанянь.

Что ни говори, а наследник купеческого рода обладал деловым чутьём. Пусть раньше он и бил баклуши, годы наблюдений за старшими не прошли даром.

Затем юноша указал на три комнаты в восточном крыле:

— Там раньше жили люди. Я велел разобрать каны и вынести мебель. Хочу поставить две новые большие печи, чтобы варить тофу и засаливать красный ферментированный тофу перед укладкой в чаны.

Таким образом, весь процесс производства — от варки соевого молока до ферментации и упаковки — был сосредоточен в одном месте, образуя законченную производственную цепь.

— Здесь мы будем только готовить. Самое важное — пропорции приправ и специй. Я велел закупать их в разных лавках и передавать только доверенным людям, которые будут смешивать их и привозить сюда уже готовыми мешочками.

— В мастерской всегда будет присмотр. Сторожа поселятся в даоцзофане — флигеле слева от входа. Уверяю, комар носа не подточит!

Закончив восторженно описывать свои распоряжения, Чжу Цзинвэй принял из рук слуги флягу и сделал глоток жасминового отвара, который матушка велела ему взять в дорогу. Прохладная, кисло-сладкая жидкость приятно освежила горло.

Цю Хуанянь одобрительно кивнул:

— Я не вижу никаких изъяснов. Тётушки, а вы что скажете?

Сёстры Хуан уже знали, что Хуанянь вошёл в долю с молодым господином Чжу, и были за него искренне рады. Наследник семьи Чжу казался человеком надёжным, а за спиной юноши стоял Ду Юньсэ — подающий надежды сяо сань юань. В такой защите можно было не опасаться чужого коварства. А постоянный доход от рецепта позволит братцу Хуа поправлять здоровье, не утруждая себя лишними заботами.

— Я тоже не нашла к чему придраться, — улыбнулась Хуан Данянь. — Теперь буду ждать первой партии, чтобы моя будущая едальня в Сянпин-фу всегда была обеспечена приправами из красного ферментированного тофу.

— Когда твоя едальня откроется, она станет лучшей рекламой для «Красного ферментированного тофу «Цю цзи»», — заметил Хуанянь.

Благодаря тому, что Ду Юньсэ не раз упоминал о нём на «Испытании ста вкусов», а префект собственноручно раздавал горшочки с ярлыками, это имя уже было у всех на слуху. Мастерская решила сохранить его.

— Теперь нужно найти искусного резчика, чтобы изготовил клеймо по твоему рисунку. Напечатаем тысячи ярлыков! — продолжал строить планы Чжу Цзинвэй. — Обойдём гончарные мастерские, выберем самые красивые кувшины.

— И самое главное! Я попрошу какого-нибудь великого каллиграфа начертать имя мастерской. Сделаем вывеску и повесим над воротами, чтобы все знали — это моё дело!

Чжу Цзинвэй, загоревшись новыми идеями, не мог больше усидеть на месте — ему хотелось немедленно довести всё до конца. Хуанянь же, закончив осмотр, попрощался с ним. Партнёр велел кучеру отвезти юношу и сестёр Хуан в усадьбу Шу, а сам вскочил на коня и умчался прочь.

После полудня Цю Хуанянь вместе с тётушками снова вышел в город — они купили фитили для ламп и разные мелочи, которые было трудно найти в уезде Чжан. К вечеру, когда они вернулись с покупками, домой пришёл и Ду Юньсэ. В руках он нёс несколько свитков и свёртки с подарками.

— Уходил с пустыми руками, а вернулся с полными коробами, — подразнил его Хуанянь. — Ты на чайной встрече был или в набег ходил?

Юньсэ сокрушённо вздохнул:

— Всего лишь награды за победу в состязаниях. Взгляни, братец Хуа, может, что и приглянется.

Хуанянь первым делом принялся рассматривать книги. На таких встречах в качестве призов обычно выставляли редкие или новые издания.

Среди трёх свитков оказались новинки этого года, отпечатанные в мастерских юга: две книги путевых заметок о горах и реках и сборник песен некоего Цинчи Сяньжэня — Вольного человека с Чистого пруда.

Юноша прочёл пару стихотворений и подивился изысканности слога. Автор обладал редким даром описывать чувства и пейзажи, но между строк сквозила такая глубокая меланхолия и упадок, что от долгого чтения жизнь начинала казаться пустой и бессмысленной.

— Тебе нравятся такие песни? — спросил Юньсэ.

— Любопытно прочесть пару строк, но не более. Иначе весь день будешь ходить сам не свой, — Хуанянь с улыбкой отложил свитки.

Эти стихи чем-то напоминали ему произведения модернистов из прошлой жизни — прекрасные, но вызывающие желание усомниться в ценности бытия. Вероятно, потому, что в обеих жизнях он по своей природе был человеком, искренне любящим жизнь и реальность, что в корне противоречило философским темам «абсурдности бытия, отчаяния и бессмысленности всего сущего», которыми были пронизаны подобные труды.

Ду Юньсэ кивнул. Наставник учил его, что литература должна служить делу и нести пользу, поэтому он и сам не жаловал подобный стиль, но Хуаняню перечить не стал.

— Этот автор пишет для южных напевов. На бумаге лишь слова, но по-настоящему они оживают только в устах певцов под звуки костяных пластин.

— Раз его сборники дошли до Ляочжоу, он, должно быть, очень знаменит? — с интересом спросил Хуанянь. — Сможет ли он достичь такой славы, что его песни будут петь у каждого колодца?

— О нём говорят уже несколько лет, — рассудительно ответил Юньсэ. — На юге его песни ценятся на вес золота. Стоит ему написать мелодию для какой-нибудь известной певицы, как цена за её выступление взлетает в несколько раз.

— Вот как... — Хуанянь многозначительно протянул: — Вижу, ты прекрасно в этом разбирается. Расскажи-ка, чьи напевы слаще, а чей лик прекраснее?

Обычно невозмутимый лик Ду Юньсэ дрогнул. Испугавшись, что Хуанянь расстроится, он

поспешно возразил:

— Я никогда не бывал в таких местах и не слежу за подобным! Просто когда мы странствовали с учителем на юге, я слышал толки об этом поэте...

Голос молодого человека стих, потому что Цю Хуанянь уже вовсю прыскал со смеху.

— Братец Хуа... — Юньсэ беспомощно вздохнул. Он знал, что супруг любит подшучивать над ним, но всякий раз попадался на удочку.

Хуанянь откашлялся и примирительно поднял ладони:

— Полно, полно. Вижу, что ты хранишь верность. Просто мне стало любопытно. Разве мне нельзя любить красивых людей?

Ду Юньсэ глубоко вдохнул и, когда Хуанянь потянулся за оставшимися подарками, спрятал руки за спину.

— Нельзя.

— Что?

— В моих глазах есть только братец Хуа. И в твоих глазах должен быть только я, — произнёс он внешне спокойно, но пальцы его напряжённо сжали свёрток.

Хуанянь замер. Встретившись с ним взглядом, он почувствовал, как к лицу приливает жар. Их чувства крепились день ото дня, они уже клялись друг другу в верности, но таких прямых, почти ревнивых слов он от Ду Юньсэ ещё не слышал.

— Глупости... на кого мне ещё смотреть? — Юноша подошёл ближе и взял его за руку. Переплетая их пальцы, он прошептал едва слышно: — И кто может быть краше тебя?

Мужественное и благородное лицо Ду Юньсэ пленило его с первой же встречи, и это чувство со временем стало лишь глубже.

Юньсэ крепко сжал его ладонь:

— Братец Хуа...

Он склонился к самому его лицу. Горячее дыхание коснулось кожи. Хуанянь почувствовал, как по спине пробежала волна возбуждения. Горло пересохло, сердце забилось чаще, и он прикрыл

глаза.

Мягкое и влажное прикосновение к губам заставило его вздрогнуть. Ду Юньсэ прикусил его губу — не больно, но властно. Хуанянь тихо выдохнул и непроизвольно вцепился руками в крепкие плечи супруга. Вещи, что Юньсэ держал в руках, покатались на пол.

— На полу... — воспользовавшись моментом, чтобы вдохнуть воздуха, выдохнул юноша.

— Всего лишь чай и веера, пустяки... — хрипло отозвался Юньсэ.

В следующий миг он вновь накрыл его губы, целуя жадно, с собственнической страстью. Цю Хуанянь кружилась голова, сердце в груди колотилось как безумное, а по телу разливался неистовый жар, не оставляя места ни для каких иных мыслей.

Лишь через час они смогли оторваться друг от друга. Сами не заметив как, они оказались на кане. Хуанянь приник к груди Юньсэ, пряча лицо. Сильная ладонь Ду Юньсэ легла ему на затылок, медленно и властно поглаживая шею. Через тонкую ткань одежды юноша чувствовал жар его тела и гулкий стук сердца.

Цю Хуанянь тяжело дышал. Заметив, что Ду Юньсэ медлит, он слегка потянул его за рукав.

— На самом деле... если сейчас... я не против...

Дыхание Юньсэ над его головой мгновенно стало тяжёлым. Пальцы на затылке сжались, но затем, словно преодолевая себя, медленно отпустили его. Хуанянь поднял голову, желая спросить, в чём дело, но Ду Юньсэ закрыл его глаза горячей ладонью.

Он навис над супругом, накрывая его своей тенью. Хуанянь прерывисто дышал, его губы припухли, а кожа порозовела от возбуждения. Глядя на него такого — беззащитного и желанного, — Ду Юньсэ едва сдерживал себя.

«Это был его братец Хуа... его маленький муженёк...»

Ду Юньсэ заставил себя отстраниться. Обряды ещё не были завершены до конца, и он не хотел обижать Хуанянь такой поспешностью. К тому же тело юноши было слабым, он всё ещё пил лекарства. Если зайти слишком далеко, это могло навредить ему.

Хуанянь в замешательстве моргал, когда Юньсэ убрал руку и сел. Взгляд того был тёмным и глубоким. Ду Юньсэ потянул одеяло и плотно укутал им супруга.

— Пстой...

Ду Юньсэ пресёк его попытки выбраться и, обняв поперх одеяла, глухо проговорил:

— Не проказничай, братец Хуа. Лекарь Гу строго-настрого запретил тебе всякие плотские утехи, пока ты принимаешь снадобья.

— Неужели нельзя хоть немного... по чуть-чуть... — не сдавался Хуанянь, пытаясь высвободить руки.

Ду Юньсэ с нежностью погладил его по спине и отрезал:

— Нельзя.

Юноша готов был взвыть от досады. Он был молодым, полным сил мужчиной, и такая вынужденная сдержанность, пусть и ради его собственного блага, ужасно раздражала. Он сердито отвернулся в своём коконе из одеяла, не желая больше разговаривать.

Ду Юньсэ положил подбородок ему на плечо и тихо произнёс:

— Я безмерно счастлив, что ты так желаешь меня.

Рядом с Хуанянем он порой терял былую уверенность, гадая, достаточно ли хорош в глазах любимого. Но пылкость Хуаняня развеяла все его сомнения. В его глазах братец Хуа был прекрасен во всём: и в своей робости, и в своей искренней страсти.

Раздражение юноши утихло, сменившись заботой. Он понимал, что Ду Юньсэ сейчас приходится куда тяжелее. Даже через одеяло он чувствовал, как напряжено его тело.

— А ты? Может... я помогу тебе? — Хуанянь снова попытался высунуть руку.

— Не двигайся, — Ду Юньсэ крепко прижал его к себе. — Просто позволь мне так посидеть.

Хуанянь затих и закрыл глаза. Глубокие, прерывистые вздохи супруга окутывали его, словно волны. Юноша чувствовал, как губы Юньсэ касаются его шеи, а жар его тела передаётся даже через плотную ткань. Он невольно поджал пальцы ног, ощущая, как мелкая дрожь пробегает по телу.

Птицы за окном то взлетали, то садились на ветви, а за полуприкрытой дверью царила весна. Прошло немало времени, прежде чем Ду Юньсэ глубоко вздохнул и расслабился. Он нежно отвёл влажную прядь со лба Цю Хуаняня и осыпал его лицо — щёки, кончик носа и губы —

ласковыми поцелуями.

Хуанянь улучил момент и прикусил его за подбородок.

— На этот раз я тебя прощаю. Но впредь не надейся, что страдать буду я один...

Ду Юньсэ рассмеялся и притянул его для нового поцелуя:

— Обещаю: как только поправишься, всё будет так, как ты пожелаешь.

Лишь через час они смогли оторваться друг от друга. Ду Юньсэ ушёл согреть воды, чтобы Хуанянь мог умыться, а затем привёл в порядок и себя. Когда всё было готово, они снова уселись в креслах, но атмосфера между ними стала совсем иной — тёплой и доверительной.

— Это два ляна отборного красного чая «Чжэншань Сяочжун», подарок главы академии. А на этих веерах я начертал стихи. Братец Хуа может украсить их рисунками, летом они как раз пригодятся.

На встрече многие просили Ду Юньсэ подписать веера, но тот, зная, что стоит начать — и придётся писать всем, отказал каждому. Однако для дома он подготовил несколько штук. Основа из благородного зелёного бамбука и тонкая бумага выглядели изящно, а стихи лишь добавляли им благородства.

Пока Цю Хуанянь рассматривал веера, молодой учёный продолжил:

— Глава академии пригласил меня на обучение в «Цинфэн».

Хуанянь поднял на него взгляд:

— И что ты думаешь?

Академия «Чистого ветра» считалась лучшей в Ляочжоу. Каждый год её выпускники становились цзюйжэнями, а многие доходили и до высших чинов.

— Префектуральные экзамены — лишь первая проба сил. Впереди — провинциальные состязания со всеми талантами Ляочжоу, а затем и столичные, где соберутся лучшие из лучших. Я верю в свои силы, но не смею быть излишне самонадеянным.

— Мой наставник сейчас далеко, а вариться в собственном соку — значит стоять на месте. В

академии есть мудрые учителя и достойные соратники, с которыми можно спорить о канонах и делах государства. Я хочу принять вызов и подготовиться к осенним экзаменам следующего года.

Встретив тревожный взгляд супруга, Хуанянь лишь улыбнулся:

— Так иди! Учиться — дело благое, разве я стану возражать?

Ду Юньсэ всё же колебался:

— Префектура далеко от уезда Чжан. Если я уеду, на твои плечи снова лягут все заботы о доме.

Хуанянь задумчиво потер подбородок:

— Тебе нужно ехать прямо сейчас?

— Нет, — Юньсэ покачал головой. — Академия принимает новых учеников раз в год, после праздника Начала весны. Так что время ещё есть.

Юноша рассмеялся:

— Так о чём тогда горевать? В крайнем случае, мы все переедем в город.

За время пребывания в Сянпине они обзавелись связями: супруги Шу, братья Чжу, да и сёстры Хуан скоро переберутся сюда. Они не будут здесь одиноки. Ду Юньсэ теперь — знаменитый сяо сань юань, мастерская тофу скоро начнёт приносить доход, так что почва для переезда была готова.

Единственное, что беспокоило Хуаняня — его три му хлопчатника. Для него это были не просто деньги, а поле для испытаний. К моменту сбора урожая он надеялся закончить черновик руководства по выращиванию хлопка, пригодного для нынешних времён.

До следующей весны времени было предостаточно, чтобы собрать урожай, уладить дела в деревне и без суеты перебраться в город.

— Нас мало, Цзюцзю и Чуньшэн ещё невелики, так что небольшого дома нам хватит. Я узнавал: домик в переулке Тяньшуй стоит около пятидесяти лянов. Когда продадим хлопок, денег точно хватит.

— Боюсь только, что тебе будет слишком тяжело.

— Пустяки, нанять людей — дело нехитрое. Теперь, когда денег станет больше, я не буду надрываться на поле.

Хуанянь не собирался мучить себя. Раньше он работал до седьмого пота, потому что нужно было экономить каждую монету и он не знал, как слаб его нынешний организм. Теперь же, с постоянным доходом, он мог позволить себе отдых и лечение. Он помнил слова Ду Юньсэ о том, что они должны состариться вместе.

Молодой человек с облегчением кивнул. Переезд в город был бы к лучшему — так он сможет чаще видеть Хуаняня и заботиться о нём.

— Экзамены позади, теперь я могу немного ослабить поводья в учёбе. Вся домашняя работа отныне на мне. Не смей больше утруждаться.

— Хорошо-хорошо, — лукаво прищурился юноша. — Буду гонять тебя в хвост и в гриву, не сомневайся.

Ду Юньсэ рассмеялся и легонько ущипнул его за щёку:

— Вот это по-нашему.

Пробыв в Сянпине ещё несколько дней, Цю Хуанянь и Ду Юньсэ наконец собрались в обратный путь. Братья Чжу пришли проводить их. Чжу Цзинчэн, не сумев уговорить их остаться подольше, настоял на том, чтобы его кучер отвёз их в уезд Чжан.

— Не отказывайтесь, господин Цю. Моя повозка куда удобнее тех, что сдают в наём. Вы только оправились от болезни, к чему вам терпеть дорожные лишения?

— Братец Хуа, мы теперь партнёры, не чужие люди! — поддакнул Чжу Цзинвэй. — У нас и слуг, и коней в избытке. Поезжайте с комфортом: захотите — остановитесь, захотите — вздремнёте. Красота!

Хуаняню пришлось принять их доброту. Чжу Цзинчэн, услышав, что юноша спешит к своему хлопку, полюбопытствовал:

— Господин Цю и впрямь выращивает хлопок в уезде Чжан?

Семья Чжу торговала тканями, и Цзинчэн знал цену хлопку. В Ляочжоу его выращивали лишь на крошечном клочке земли на самом юге, да и то урожая были скудными. Купцам приходилось возить сырьё издалека, переплачивая за доставку, а в неурожайные годы хлопок и

вовсе становился дороже золота.

Услышав, что хлопок растёт в Чжане, что лежит севернее столицы префектуры, Чжу Цзинчэн не на шутку удивился.

— Да, в этом году решил попробовать. Посадил три му, всходы отличные, урожай должен быть добрым, — спокойно ответил Хуанянь.

Скажи это кто другой, Чжу Цзинчэн счёл бы это бахвальством. Но в деле с тофу юноша уже доказал свою прозорливость, и купец мгновенно оценил перспективы.

— Если в Чжане взошёл хлопок — это истинное благо для страны. Как придёт пора сбора, я непременно приеду, чтобы выкупить весь урожай!

Хуанянь не стал скромничать:

— Что ж, буду ждать вашего визита, старший господин Чжу.

С трёх му он надеялся собрать около шестисот цзиней. Продавать в розницу было бы долго, а оптовый покупатель вроде Чжу Цзинчэна — настоящая находка.

Попрошавшись с друзьями, Хуанянь и Ду Юньсэ заняли места в удобной карете и неспешно двинулись к дому. Путь в Сянпинь был полон тревог, но возвращались они с победой и надеждой. Сяо сань юань, победа на поэтическом турнире, новая мастерская, дружба с влиятельными людьми и приглашение в академию... Всего за две недели их жизнь круто изменилась.

Теперь, полужёжа на мягких сиденьях, Хуанянь мысленно уже был в родном дворе, видел Цзюцзю и Чуньшэна, старую грушу и свои грядки. Он думал о новом доме, который они скоро построят, и с улыбкой переговаривался с любимым человеком.

За тысячи ли от них, за девятью кругами стен, император Юаньхуа восседал во внутренних покоях зала Цзиньшэнь. Он небрежно отбросил в сторону свиток.

— Добрые же у меня братья... и сыновья не хуже...

В зале служили только доверенные люди. Тишина стояла такая, что слышно было дыхание. Все склонили головы, не смея поднять глаз.

Император указал на край стола:

— Иди. Перепиши эти два доклада и тайно отправь один в Восточный дворец, а другой — в усадьбу Вэнь Хойяна.

Главный евнух Вэнь Син, не проронив ни слова, ловко подхватил бумаги. Краем глаза он заметил: один доклад был от главы образования Ляочжоу, другой — из гарнизона Цзиншань, что стоял на северо-восточных рубежах.

Вспомнив о волнениях при дворе и интригах князя Пинсяня с принцами, Вэнь Син лишь горестно вздохнул. Надвигалась буря. Кое-кто мнил, что победа уже в кармане, не ведая, что угодил в пасть самого терпеливого и беспощадного хищника Поднебесной.

Вэнь Син передал свитки писцам, и в этот миг за его спиной вновь раздался бесстрастный голос государя:

— Пиши указ. Возвести наложницу Кан в сан благородной наложницы Кан, отдать ей дворец Куньнин и право надзора за шестью дворцами.

— Брату её даровать титул Тайпин-хоу и имя Кан Чжун. Пожаловать золотые сапоги, нефритовый пояс и удел в тысячу дворов.

— Третьего принца Хун Хань наречь Цзинь-ваном. Велеть Ведомству внутренних дел немедля сыскать место для его резиденции. Сроку — не боле месяца.

Вэнь Син поклонился, чувствуя, как ладони взмокли от пота. Эти указы всколыхнут столицу, а за ней и всю империю. Поистине, пути императора неисповедимы...

<http://bllate.org/book/15363/1412602>